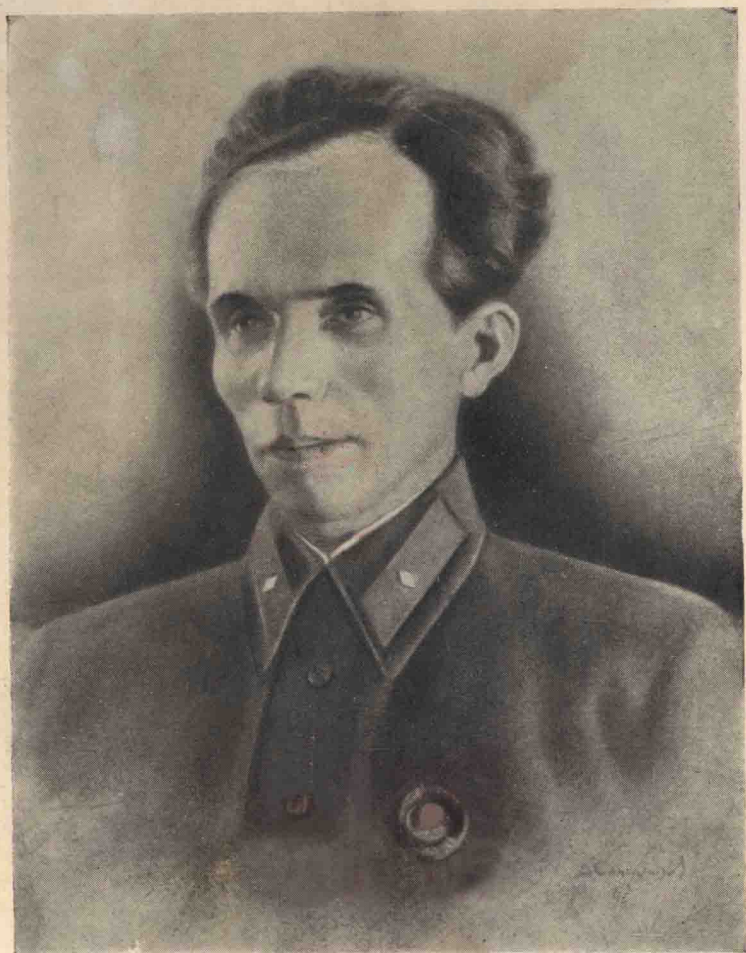

Н. Осиповский

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„Молодая гвардия“

МОСКВА

1953

КАК
ЗАКАЛЯЛАСЬ
СТАЛЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— **К**то из вас перед праздником приходил ко мне домой отвечать урок — встаньте!

Обрюзглый человек в рясе, с тяжелым крестом на шее, угрожающе посмотрел на учеников.

Маленькие злые глазки точно прокалывали всех шестерых, поднявшихся со скамеек, — четырех мальчиков и двух девочек. Дети боязливо посматривали на человека в рясе.

— Вы садитесь, — махнул поп в сторону девочек.

Те быстро сели, облегченно вздохнув.

Глазки отца Василия сосредоточились на четырех фигурках.

— Идите-ка сюда, голубчики!

Отец Василий поднялся, отодвинул стул и подошел вплотную к сбившимся в кучку ребятам.

— Кто из вас, подлецов, курит?

Все четверо тихо ответили:

— Мы не курим, батюшка.

Лицо попа побагровело.

— Не курите, мерзавцы, а махорку кто в тесто насыпал? Не курите? А вот мы сейчас посмотрим! Выверните карманы! Ну, живо! Что я вам говорю? Выворачивайте!

Трое начали вынимать содержимое своих карманов на стол.

Поп внимательно просматривал швы, ища следы табака, но не нашел ничего и принялся за четвертого, черноглазого, в серенькой рубашке и синих штанах с заплатами на коленях.

— А ты что, как истукан, стоишь?

Черноглазый, глядя с затаенной ненавистью, глухо ответил:

— У меня нет карманов, — и провел руками по зашитым швам.

— А-а-а, нет карманов! Так ты думаешь, я не знаю, кто мог сделать такую подлость — испортить тесто! Ты думаешь, что и теперь останешься в школе? Нет, голубчик, это тебе даром не пройдет. В прошлый раз только твоя мать упросила оставить тебя, ну, а теперь уж конец. Марш из класса! — Он больно схватил за ухо и вышвырнул мальчишку в коридор, закрыв за ним дверь.

Класс затих, съёжился. Никто не понимал, почему Павку Корчагина выгнали из школы. Только Сережка Брузжак, друг и приятель Павки, видел, как Павка насыпал попу в пасхальное тесто горсть махры гам, на кухне, где ожидали попа шестеро неуспевающих учеников. Им пришлось отвечать уроки уже на квартире у попа.

Выгнанный, Павка присел на последней ступеньке крыльца. Он думал о том, как ему явиться домой и что сказать матери, такой заботливой, работающей с утра до поздней ночи кухаркой у акцизного инспектора.

Павку душили слезы.

«Ну что мне теперь делать? И все из-за этого проклятого попа. И на чорта я ему махры насыпал? Сережка подбил. «Давай, — говорит, — насыплем гадюке вредному». Вот и всыпали. Сережке ничего, а меня, наверное, выгонят».

Уже давно началась эта вражда с отцом Василием. Как-то подрался Павка с Левчуковым Мишкой, и его оставили без обеда. Чтобы не шалил в пустом классе, учитель привел шалуна к старшим, во второй класс. Павка уселся на заднюю скамью.

Учитель, сухонький, в черном пиджаке, рассказывал про землю, светила. Павка слушал, разинув рот от удивления, что земля уже существует много миллионов лет и что звезды тоже вроде земли. До того был удивлен услышанным, что даже пожелал встать и сказать учителю: «В законе божием не так написано», но побоялся, как бы не влетело.

По закону божью поп всегда ставил Павке пять. Все тропари, новый и ветхий заветы знал он назубок; твердо знал, в какой день что произведено богом. Павка решил расспросить отца Василия. На первом же уроке закона, едва поп уселся в кресло, Павка поднял руку и, получив разрешение говорить, встал.

— Батюшка, а почему учитель в старшем классе говорит, что земля миллионы лет стоит, а не как в законе божием — пять тыс... — и сразу осел от визгливого крика отца Василия:

— Что ты сказал, мерзавец? Вот ты как учишь слово божие!

Не успел Павка и пикнуть, как поп схватил его за оба уха и начал долбить головой об стенку. Через минуту, избитого и перепуганного, его выбросили в коридор.

Здорово попало Павке и от матери.

На другой день пошла она в школу и упросила отца Василия принять сына обратно. Возненавидел с тех пор попа Павка всем своим существом. Ненавидел и боялся. Никому не прощал он своих маленьких обид; не забывал и попу незаслуженную порку, озлобился, затаился.

Много еще мелких обид перенес мальчик от отца Василия: гонял его поп за дверь, целыми неделями в угол ставил за пустяки и не спрашивал у него ни разу уроков, а перед пасхой из-за этого пришлось ему с неуспевающими к попу на дом итти сдавать. Там, на кухне, и всыпал Павка махры в пасхальное тесто.

Никто не видел, а все же поп сразу узнал, чья это работа.

...Урок окончился, детвора высыпала во двор и обступила Павку. Он хмуро отмалчивался. Сережка Брузжак из класса не выходил, чувствовал, что и он виноват, но помочь товарищу ничем не мог.

В открытое окно учительской высунулась голова заведующего школой Ефрема Васильевича, и густой бас его заставил Павку вздрогнуть.

— Пошлите сейчас же ко мне Корчагина! — крикнул он.

И Павка с заколотившимся сердцем пошел в учительскую.

Хозяин станционного буфета, пожилой, бледный, с бесцветными, вылинявшими глазами, мельком взглянул на стоявшего в стороне Павку.

— Сколько ему лет?

— Двенадцать, — ответила мать.

— Что же, пусть останется. Условие такое: восемь рублей в месяц и стол в дни работы, сутки работать, сутки дома — и чтоб не воровать.

— Что вы, что вы! Воровать он не будет, я ручаюсь, — испуганно сказала мать.

— Ну, пусть начинает сегодня же работать, — приказал хозяин и, обернувшись к стоявшей рядом с ним за стойкой продавщице, попросил: — Зина, отведи мальчика в судомойню, скажи Фросеньке, чтобы дала ему работу вместо Гришки.

Продавщица бросила нож, которым резала ветчину, и, кивнув Павке головой, пошла через зал, пробираясь к боковой двери, ведущей в судомойню. Павка последовал за ней. Мать торопливо шла вместе с ними, шепча ему наспех:

— Ты уж, Павлушка, постарайся, не срамись.

И, проводив сына грустным взглядом, пошла к выходу.

В судомойне шла работа во-всю: гора тарелок, вилок, ножей высилась на столе, и несколько женщин перетирали их перекинутыми через плечо полотенцами.

Рыженький мальчик с всклокоченными, нечесаными волосами, чуть старше Павки, возился с двумя огромными самоварами.

Судомойня была наполнена паром, валившим из большой лохани с кипятком, где мылась посуда, и Павка первое время не мог разобрать лиц работавших женщин. Он стоял, не зная, что ему делать и куда приткнуться.]

Продавщица Зина подошла к одной из женщин, моющих посуду, и, взяв ее за плечо, сказала:

— Вот, Фросенька, новый мальчик вам сюда вместо Гришки. Ты ему растолкуй, что надо делать.

Обращаясь к Павке и указав на женщину, которую только что назвала Фросенькой, Зина проговорила:

— Она здесь старшая. Что она тебе скажет, то и делай. — Повернулась и пошла в буфет.

— Хорошо, — тихо ответил Павка и вопросительно взглянул на стоявшую перед ним Фросю. Та, вытирая пот со лба, глядела на него сверху вниз, как бы оценивая его достоинства, и, подвертывая сползший с локтя рукав, сказала удивительно приятным, грудным голосом:

— Дело твое, милый, маленькое: вот этот куб нагреешь, значит, утречком, и чтоб в нем у тебя всегда кипяток был. Дрова, конечно, чтобы наколот, потом вот эти самовары тоже твоя работа. Потом, когда нужно, ножики и вилочки чистить будешь и помои таскать. Работки хватит, милый, упаришься, — говорила она костромским говорком с ударением на «а», и от этого ее говорка и залитого краской лица с курносым носиком Павке стало как-то веселее.

«Тетка эта, видно, ничего», — решил он про себя и, осмелев, обратился к Фросе:

— А что мне сейчас делать, тетя?

Сказал и запнулся. Громкий хохот работавших в судомойне женщин покрыл его последние слова:

— Ха-ха-ха!.. У Фросеньки уж и племянник завелся...

— Ха-ха!.. — смеялась больше всех сама Фрося.

Павка из-за пара не разглядел ее лица, а Фросе всего было восемнадцать лет.

Уже совсем смущенный, он повернулся к мальчику и спросил:

— Что мне делать надо сейчас?

Но мальчик на вопрос только хихикнул:

— Ты у тети спроси, она тебе все пропечатает, а я здесь временно. — И, повернувшись, выскочил в дверь, ведущую на кухню.

— Иди сюда, помогай вытирать вилки, — услышал Павка голос одной из работавших, уже немолодой судомойки. — Чего ржете-то? Что тут такого мальчонка сказал? Вот бери-ка, — подала она Павке полотенце, — бери один конец в зубы, а другой натяни ребром. Вот вилочку и чисть туда-сюда зубчиками, только чтоб ни соринки не оставалось. У нас за это строго. Господа вилки просматривают, и если заметят грязь — беда: хозяйка в три счета прогонит.

— Как хозяйка? — не понял Павел. — Ведь у вас хозяин тот, что меня принимал.

Судомойка засмеялась:

— Хозяин у нас, сынок, вроде мебели, тюфяк он. Всему голова здесь хозяйка. Ее сегодня нет. Вот поработаешь — увидишь.

Дверь в судомойню открылась, и в нее вошли трое официантов, неся груды грязной посуды.

Один из них, широкоплечий, косоглазый, с крупным четырехугольным лицом, сказал:

— Пошевеливайтесь живее. Сейчас придет двенадцатичасовой, а вы копаетесь.

Глядя на Павку, он спросил:

— А это кто?

— Это новенький, — ответила Фрося.

— А, новенький, — проговорил он. — Ну, так вот, — тяжелая рука его опустилась на плечо Павки и толкнула к самоварам, — они у тебя всегда должны быть готовы, а они, видишь, — один затух, а другой еле дышит. Сегодня это тебе пройдет, а завтра если повторится, то получишь по морде. Понял?

Павка, не говоря ни слова, принялся за самовары.

Так началась его трудовая жизнь. Никогда Павка не старался так, как в свой первый рабочий день. Понял он: тут — не дома, где можно мать не послушать. Косоглазый ясно сказал, что если не слушаешь — в морду.

Разлетались искры из толстопузых четырехведёрных самоваров, когда Павка раздувал их, натянув снятый сапог на трубу. Хватая ведра с помоями, летел к сливной яме, подкладывал под куб с водой дрова, сушил на кипящих самоварах мокрые полотенца, делал все, что ему говорили. Поздно вечером уставший Павка отправился вниз, на кухню. Пожилая судомойка Анисья, посмотрев на дверь, скрывшую Павку, сказала:

— Ишь, мальчонка какой-то ненормальный, мотается, как сумасшедший. Не с добра, видно, послали работать-то.

— Да, парень справный, — сказала Фрося, — такого подго- нять не надо.

— Убегается скоро, — возразила Луша, — все сначала ста- раются...

В семь часов утра, измученный бессонной ночью и беско- нечной бегом, Павка передал кипящие самовары своей смене — толстомордённому мальчишке с нахальными глаз- ками.

Удостоверившись, что все в порядке и самовары кипят, мальчишка, засунув руки в карманы, цыкнув сквозь сжатые зубы слюной и с видом презрительного превосходства взгля- нув на Павку слегка белесоватыми глазами, сказал тоном, не допускающим возражения:

— Эй ты, шляпа! Завтра приходи в шесть часов на смену.

— Почему в шесть? — спросил Павка. — Ведь сменяются в семь.

— Кто сменяется, пусть сменяется, а ты приходи в шесть. А будешь много гавкать, то сразу поставлю тебе блямбу на фотографию. Подумаешь, пешка, только что поступил и уже форс давит.

Судомойки, сдавшие свое дежурство вновь прибывшим, с интересом наблюдали за разговором двух мальчиков. На- хальный тон и вызывающее поведение мальчишки разозлили Павку. Он подвинулся на шаг к своему сменщику, приготовясь вклеить мальчишке хорошего «леща», но боязнь быть про- гнанным в первый же день работы остановила его. Весь по- темнев, он сказал:

— Ты потише, не налетай, а то обожжешься. Завтра приду в семь, а драться я умею не хуже тебя; если захочешь попро- бовать — пожалуйста

Противник отодвинулся на шаг к кубу и с удивлением смо- трел на взъерошенного Павку. Такого категорического отпора он не ожидал и немного опешил.

— Ну, ладно, посмотрим, — пробормотал он.

Первый день прошел благополучно, и Павка шагал домой с чувством человека, честно заработавшего свой отдых. Те- перь он тоже трудится, и никто не скажет ему, что он дар- моёд.

Утреннее солнце лениво подымалось из-за громады лесопильного завода. Скоро и Павкин домишко покажется. Вот здесь, сейчас же за усадьбой Лещинского.

«Мать, наверное, не спит, а я с работы возвращаюсь, — ду- мал Павка и пошел быстрее, пошвыстывая. — Получилось не

так уже скверно, что меня из школы выперли. Все равно проклятый поп не дал бы житья, а теперь я на него плевать хотел, — рассуждал Павка, подходя к дому, и, открывая калитку, вспомнил: — А тому, белобрысому, обязательно набью морду, обязательно».

Мать возилась во дворе с самоваром. Увидев сына, спросила тревожно:

— Ну как?

— Хорошо, — ответил Павка.

Мать хотела о чем-то предупредить. Он понял — в раскрытое окно комнаты виднелась широкая спина брата Артёма.

Что, Артём приехал? — спросил он, смутившись.

— Вчера приехал и останется здесь. Служить будет в депо.

Павка не совсем уверенно открыл дверь в комнату.

Громадная фигура, сидевшая за столом спиной к нему, повернулась, и на Павку глянули из-за густых чёрных бровей суровые глаза брата.

— А, пришел, махорочник? Ну, ну, здорово!

Не предвещала Павке ничего приятного беседа с приехавшим братом.

«Артем уже все знает, — подумал Павка. — Артем может и отругать и поколотить».

Побаивался Павлик Артема.

Но Артем, видно, драться не собирался; он сидел на табурете, опершись локтями о стол, и смотрел на Павку неотрывающимся взглядом — не то насмешливо, не то презрительно.

— Так ты говоришь, университет уже закончил, все науки прошел, теперь за помой принялся? — сказал Артем.

Павка уставился глазами в потрескавшуюся половицу пола, внимательно изучая высунувшуюся шляпку гвоздика. Но Артем поднялся из-за стола и пошел в кухню.

«Обойдется, видно, без припарки», — облегченно вздохнул Павка.

Во время чаепития Артем спокойно расспрашивал Павку о происшедшем в классе.

Павка рассказал все.

— И что с тобой будет дальше, когда ты таким хулиганом растешь? — с грустью проговорила мать. — Ну, что нам с ним делать? И в кого он такой уродился? Господи боже мой, сколько я мучения с этим мальчишкой перенесла, — жаловалась она.

Артем, отодвинув от себя пустую чашку, сказал, обращаясь к Павке:

— Ну, так вот, браток. Раз уж так случилось, держись

теперь настороже, на работе фокусов не выкидывай, а выполняй все, что надо; ежели и оттуда тебя выставят, то я тебя так разрисую, что дальше некуда. Запомни это. Довольно мать дергать. Куда, чорт, ни ткнется — везде недоразумение, везде чего-нибудь отчебучит. Но теперь уж шабаш. Отработаешь годок — буду просить взять учеником в депо, потому в тех помоях человека из тебя не будет. Надо учиться ремеслу. Сейчас еще мал, но через год попрошу — может, примут. Я сюда перевожусь и здесь работать буду. Мамка служить больше не будет. Хватит ей горб гнуть перед всякой сволочью, но ты смотри, Павка, будь человеком.

Он поднялся во весь свой громадный рост, надел висевший на спинке стула пиджак и бросил матери:

— Я пойду по делу на часок. — И, согнувшись у притолоки двери, вышел.

Уже во дворе, проходя мимо окна, сказал:

— Там тебе привез сапоги и ножик, мамка даст.

◀ Буфет вокзала торговал непрерывно целые сутки.)

Железнодорожный узел соединял шесть линий. Вокзал плотно был набит людьми и только на два-три часа ночью, в перерыв между двумя поездами, затихал. Здесь, на вокзале, сходились и разбегались в разные стороны сотни эшелонов. С фронта на фронт. Оттуда с искалеченными, с искромсанными людьми, а туда с потоком новых людей в серых однообразных шинелях.

Два года провертелся Павка на этой работе. Кухня и судомойня — вот и все, что он видел за эти два года. В громадной подвальной кухне — лихорадочная работа. Работало двадцать с лишним человек. Десять официантов сновали из буфета в кухню.

Получал уже Павка не восемь, а десять рублей. Вырос за два года, окреп. Много мытарств прошел он за это время. Коптился на кухне полгода поварёнком, вылетел опять в судомойню — выбросил всеильный шеф: не понравился несговорчивый мальчонка, того и жди, что пырнёт ножом за зуботычину. Давно бы уже прогнали за это с работы, но спасала его неиссякаемая трудоспособность. Работать мог Павка больше всех, не уставая.

В горячие для буфета часы носился, как угорелый, с подносами, прыгая через четыре-пять ступенек вниз, в кухню, и обратно.

Ночами, когда прекращалась толкотня в обоих залах буфета, внизу, в кладовушках кухни, собирались официанты. Начиналась бесшабашная азартная игра: в «очко», в «девятку».

Видел Павка не раз кредитки, лежавшие на столах. Не удивлялся Павка такому количеству денег, знал, что каждый из них за сутки своего дежурства чаевыми получал по тридцать-сорок рублей. По полтинничку, по рублику собирали. А потом напивались и резались в карты. Злобился на них Павка.

«Сволочь проклятая! — думал он. — Вот Артём — слесарь первой руки, а получает сорок восемь рублей, а я — десять; они гребут в сутки столько — и за что? Поднесет — унесет. Пропивают и проигрывают».

Считал их Павка, так же как хозяев, чужими, враждебными. «Они здесь, подлюги, лакеями ходят, а жены да сыночки по городам живут, как богатые».

Приводили они своих сынков в гимназических мундирчиках, приводили и расплывшихся от довольства жен. «А денег у них, пожалуй, больше, чем у тех господ, которым прислуживают», — думал Павка. Не удивлялся он и тому, что происходило ночами в закоулках кухни да на складах буфетных; знал Павка хорошо, что всякая посудница и продавщица недолго наработает в буфете, если не продаст себя за несколько рублей каждому, кто имел здесь власть и силу.

Заглянул Павка в самую глубину жизни, на ее дно, в колёзье, и затхлой плесенью, болотной сыростью пахло на него, жадного ко всему новому, неизведанному.

Не удалось Артему устроить брата учеником в депо: молже пятнадцати лет не брали. Ожидал Павка дня, когда выйдет отсюда, тянуло к огромному каменному закопченному зданию.

Частенько бывал он там у Артема, ходил с ним осматривать вагоны и старался чем-нибудь помочь.

Особенно скучно стало, когда ушла с работы Фрося.

Не было уже смеющейся, веселой девушки, и Павка острее почувствовал, как крепко он сдружился с ней. Приходя утром в судомойню, слушая сварливые крики беженков, ощущал какую-то пустоту и одиночество.

В ночной перерыв, подкладывая в топку куба дрова, Павка присел на корточках перед открытой дверцей; прищурившись, смотрел на огонь — хорошо от тепла печки. В судомойне никого не было.

Не заметил, как мысли вернулись к тому, что было недавно, к Фросе, и отчетливо всплыла картина.

В субботу, в ночной перерыв, спускался Павка вниз по лестнице, в кухню. На повороте из любопытства влез на дрова, чтобы заглянуть в кладовушку, где обычно собирались игроки.

А игра там была в полном разгаре. Побуревший от волнения Зеливанов держал банк.

На лестнице послышались шаги. Обернулся: сверху спустился Прохошка. Павка залез под лестницу, пережидая, когда тот пройдет в кухню. Под лестницей было темно, и Прохошка видеть его не мог.

Прохошка повернул вниз, и Павке было видно его широкую спину и большую голову.

Сверху по лестнице еще кто-то сбегал поспешными легкими шагами, и Павка услышал знакомый голос:

— Прохошка, подожди.

Прохошка остановился и, обернувшись, посмотрел вверх.

— Тебе чего? — буркнул он.

Шаги на лестнице застучали вниз, и Павка узнал Фросю.

Она взяла официанта за рукав и прерывающимся, сдавленным голосом сказала:

— Прохошка, где же те деньги, которые тебе дал поручик?

Проход резко отдернул руку.

— Что? Деньги? А разве я тебе не дал? — говорил он озлобленно-резко.

— Но ведь он дал тебе триста рублей. — И в голосе Фроси слышались приглушенные рыдания.

— Триста рублей, говоришь? — ехидно проговорил Прохошка. — Что же, ты хочешь их получить? Не больно ли дорого, сударынька, для судомойки? Я думаю, хватит и тех пятидесяти, что я дал. Подумаешь, какое счастье! Почище барыньки, с образованием — и то таких денег не берут. Скажи спасибо за это — ночку поспать и пятьдесят целковых схватить. Нет дураков. Десятку-две я тебе еще дам, и конечно, а не будешь душой — еще подработаешь, я тебе протекцию составляю. — И, бросив последние слова, Прохошка повернулся и пошел в кухню.

— Подлюга, гад! — крикнула ему вдогонку Фрося и, прилонясь к дровам, глухо зарыдала.

Не передать чувств, которые охватили Павку, когда он слушал этот разговор и, стоя в темноте под лестницей, видел вздрагивающую и бьющуюся о поленья головой Фросю. Не сказался Павка, молчал, судорожно ухватившись за чугунные подставки лестницы, а в голове пронеслось отчетливо, ясно:

«И эту продали, проклятые. Эх, Фрося, Фрося!..»

Еще глубже и сильнее затаилась ненависть к Прохошке, и все окружающее опостылело и стало ненавистным. «Эх, была бы сила, избил бы этого подлеца досмерти! Почему я не большой и сильный, как Артем?»

Огоньки в печке вспыхивали и гасли, дрожали их красные языки, сплетаясь в длинный голубоватый виток; казалось

Павке, что кто-то насмешливый, издевающийся показывает ему язык.

Тихо было в комнате, лишь потрескивало в топке и у крана слышался стук равномерно падающих капель.

Климка, поставив на полку последнюю ярко начищенную кастрюлю, вытирал руки. На кухне никого не было. Дежурный повар и кухонщицы спали в раздевалке. На три ночных часа затихала кухня, и эти часы Климка всегда проводил наверху у Павки. По-хорошему сдружился поваренок с черноглазым кубовщиком. Поднявшись наверх, Климка увидел Павку сидящим на корточках перед раскрытой топкой. Павка заметил на стене тень от знакомой взлохмаченной фигуры и проговорил не оборачиваясь:

— Садись, Климка.

Поваренок забрался на сложенные поленья и, улегшись на них, посмотрел на сидевшего молча Павку и проговорил улыбаясь:

— Ты что, на огонь колдуешь?

Павка с трудом оторвал глаза от огненных языков. На Климку смотрели два огромных блестящих глаза. В них Климка увидел невысказанную грусть. Первый раз увидел Климка эту грусть в глазах товарища.

— Чудной ты, Павка, сегодня какой-то... — И, помолчав, спросил: — Случилось у тебя что-нибудь?

Павка поднялся и сел рядом с Климкой.

— Ничего не случилось, — ответил он глуховато. — Тяжело мне здесь, Климка. — И руки его, лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

— Что это на тебя сегодня нашло? — продолжал приподнявшийся на локтях Климка.

— Сегодня нашло, говоришь? Всегда находило, как только попал сюда работать. Ты погляди, что здесь делается! Работаем, как верблюды, а в благодарность тебя по зубам бьет кто только вздумает, и ни от кого защиты нет. Нас с тобой хозяева нанимали им служить, а бить всякий право имеет, у кого только сила есть. Ведь хоть разорвись, всем сразу не угодишь, а кому не угодишь, от того и получай. Уж так стараешься, чтобы делать как следует, чтобы никто придраться не мог, кидаешься во все концы, но все равно кому-нибудь не донесли во-время — и по шее...

Климка испуганно перебил его:

— Ты не кричи так, а то зайдет кто — услышит.

Павка вскочил.

— Ну и пусть слышат, все равно уйду отсюда. Пути очищать от снега и то лучше, а здесь... могила, жулик на жулике сидит. Денег у них сколько у всех! А нас за тварей считают,